Текст · 11 апреля 2023, 09:16
Анна Павлова,

«Дайте уже срок, увольте меня, и все». Старший лейтенант Василец объясняет, почему отказался ехать в Украину и предпочел тюрьму (суд дал ему 2,5 года колонии-поселения)

Заозерский гарнизонный военный суд приговорил к 2 годам и 5 месяцам в колонии-поселении старшего лейтенанта Дмитрия Васильца — за то, что он отказался воевать в Украине. Дело о неисполнении приказа в период боевых действий (пункт 2.1 статьи 332 УК) против него возбудили в октябре, 27-летний Василец стал первым известным обвиняемым по этой статье с начала вторжения (сейчас в судах уже три десятка подобных дел). Перед приговором Василец рассказал «Медиазоне», как поменялись его взгляды после пяти месяцев в Украине, почему он стал убежденным пацифистом и буддистом и теперь готов оказаться в тюрьме за свое право не воевать.

Мне 27 лет. Закончил Московское высшее общевойсковое командное училище, в 2019 году на месяц съездил в Военный университет Министерства обороны, переобучился и встал на должность заместителя командира роты по военно-политической работе. Март должен был быть крайним месяцем моего контракта, то есть вот сейчас я пять лет уже служу. И вот 4,5 года отслужил, получается, до того как уехал из Украины и отказался возвращаться на передовую.

«Эмоционально и физически я перегорел очень сильно». На фронте

В январе 2022 года мы поехали на учения: палатки поставили, разместились, кто техникой занимался, кто на стрельбы ходил. Войска скапливались, и было какое-то такое предчувствие, ну, столько войск... Сколько я служил в армии, но не помню, чтобы такое количество военных где-то скапливалось. Осознание было, что, скорее всего, что-то будет, но нам напрямую никто ничего не говорил. Сказали только за два дня где-то. Нас построил командир подразделения и сказал, что так и так, готовим людей, получаем боеприпасы, загружаемся в технику.

Нам говорили: две недели, и все закончится. Там времени не было конкретно разбираться. Задач много было, все в суете, но все-таки было это чувство такое, что... Ну, будет как в Крыму.

Я пробыл пять месяцев на Харьковском направлении, но в прямых боестолкновениях не участвовал. Изначально я должен был тоже в своей колонне заходить, но за два-три дня комбат меня вызвал и сказал, что, мол, ты будешь прикомандирован к штабу армии. Дежурства были, грубо говоря, 24/7 практически. Мы не были в тылу — штаб был примерно в паре-тройке километров от переднего края.

Я приехал в первый день на место назначения, и уже все — бах, бах, слышны свисты и взрывы. Там уже начало осознание приходить, что такое боевая обстановка.

Конечно, сейчас нас так выставляют, что мы изверги, да? То есть сейчас я могу рассуждать адекватно, что, действительно, все-таки мы пришли к ним на землю, не они к нам. Но, честно, сколько я там был, каких-то зверств я не наблюдал. Опять же, я могу рассуждать только со своего взгляда — о том, что я видел непосредственно. Но я все-таки понимаю, что информационная война тоже ведется. Я не говорю, что мы святые или с той стороны святые. Тут понятно, что и наши приукрашивают, и с той стороны тоже приукрашивают. Суть не в этом, на самом деле, а в том, что люди страдают с обеих сторон.

Первое время у меня не возникали мысли об отказе. Я начинал свой путь с суворовского училища, и Александр Васильевич Суворов для меня эталон настоящего командира, офицера, который в своих подчиненных видел людей в первую очередь, не механизм какой-то, не пружину и не штык — людей. И отец меня тоже с детства учил помогать, поддерживать своих друзей. И когда все началось, я отвечал за обмен информацией между армией и бригадой, то есть не только мое подразделение, моя рота, а бригада, грубо говоря, были моей зоной внимания. Это очень большая ответственность. Когда первые потери пошли, может быть, чуть промелькнуло [желание вернуться], но не было каких-то серьезных мыслей, чтобы остановиться и не идти.

У нас первое время, может быть месяц, были доклады такие: нас атакуют, нас атакуют, у нас потери. Потом, когда уже окопались наши, уже нам начали говорить: «Когда будут доклады, что мы нанесли огневое поражение противнику?». Поэтому в этом кипише, в боевой обстановке, ты следишь, где кто у тебя двигается, что случилось, как можем помочь — некогда еще о чем-то было думать. Ты на себя там забиваешь полностью, ты не спишь. Мы в первое время спали по два, по три часа. Перекусил что-то, десять минут [отдохнул], и все. Эмоционально и физически я перегорел очень сильно ближе к четвертому и пятому месяцу.

Несмотря на то, что мы со штабом передвигались, мы все же не на территории РФ были, так что обстреливали нас часто. И, конечно, над нашим передним краем было очень много квадрокоптеров. Опять же, вокруг местные жители — ты там не спрячешься. У нас люди передвигаются по деревне, и заснять их с окна нет проблем. Можно понять местных жителей, потому что к ним пришли.

«Пришло принятие философии буддизма». Снова в России

Когда пошли боестолкновения, конечно, часть военных отказалась [от участия в боях]. Понятно, что страх смерти: когда снаряд ложится рядом с домом, в котором ты находишься. Я знал об отказниках, потому что эта информация проходила и через нас.

Их держали у границы на стороне Украины, но не выпускали на территорию РФ. Поехали потом с

людьми беседовать. Пошла вот эта манипуляция: на совесть стали давить, мол, вы как потом детям своим будете в глаза смотреть. Непосредственно я туда не ездил. Но, в общем, плюс-минус, наверное, из тех, кто отказывались, половина из них соглашалась снова.

У нас формировались места специальные для отказников, но не те, которые называли «ямы», это потом уже, как я слышал, появилось.

В начале все равно было проще отказаться. Даже, я помню, с кем-то я разговаривал, что приезжали прокуроры и говорили, что, типа, ничего страшного, вам ничего не будет. Потом отказников стало так много, что их перестали отпускать. Честно, у меня самого даже первое время было какое-то непонимание, злость к ним, типа, ну как так можно, бросить своих.

У меня желание уехать появилось месяца, наверное, через три. Появились сомнения, начало приходить осознание, что что-то не так. Когда идут жесткие артиллерийские обстрелы, ты начинаешь мысленно прощаться с жизнью... Многие, я думаю, начинают, как в фильмах показывают, приходить к вере.

Постепенно начали отпускать в отпуска офицеров штаба на 15 дней. Но я понимал, что боевая обстановка и меня заменить нет возможности. Многим, может быть, кажется, что война — это порядок, там все четко. Нет, это отчасти хаос, отчасти это нехватка кадров.

Но в июле меня позвали и говорят, что есть вариант в отпуск уйти на две недели. Я, конечно, удивился. В итоге я выехал из зоны СВО в Белгородскую область.

Оттуда позвонил оперативному дежурному. Он говорит, что прислали рапорт мой и там зачеркнуто и написано, что отпуск только после окончания СВО. Но в итоге вышестоящее командование все-таки подтвердило мой отпуск, и я уехал.

Где-то в середине мая погибли два моих близких друга, Максим и Алдар. И после их смерти уже прямо перелом пошел такой конкретный. Так же было, когда у меня отец умер, мне 13 лет было. То есть потеря близких оказывает сильное психологическое влияние. Я пришел на дежурство, увидел две фамилии, просто сел и погас. Потом девушке позвонил друга одного, она плакала, я просто ее слушал, ничего не говорил. Второго друга я видел за три-четыре дня до этого случая. И я успел эсэмэску его супруге отправить, что не переживай, все нормально, что Максим жив-здоров, держится. Но Максима я видел, и видно, что, не знаю, как душа уходит, что ли, у человека. Лицо становится серым.

Вот как ветераны. Ну, видно по лицу, что был на войне. Пока не попробуешь, не узнаешь. У меня офицер был в училище, полковник, преподаватель по тактике, он тоже где-то в боевых действиях участвовал. И однажды он спрашивает: «Как ты думаешь, готов я участвовать сейчас в боевых действиях или нет?». Я тогда был курсантом, думаю: «Конечно, готов, офицер, полковник целый». «Готовы», — говорю. Смотрю на него, у него глаза покраснели. И он говорит: «Нет, не готов». И вот сейчас я могу его понять.

После получения отпуска я сначала поехал в Питер, у меня там старшая сестра по матери. Мама умерла,

когда мне три года было. И ее дочка, моя племянница, плакала часто, кидалась чем-то в меня. А меня после пяти месяцев раздражают звуки, громкие хлопки. Тебя зажигает прямо, наверно, это ПТСР. Какой-то гнев резко копится, и тебе хочется этот источник звука приглушить… либо, не знаю, уши закрыть, или сделать так, чтобы замолчало все, быть в тишине. И я побоялся быть с ними, уехал.

У меня была цель: если я вообще оттуда выберусь, обязательно съездить к семьям погибших близких друзей, навестить их и съездить на могилу к друзьям. И я полетел в Улан-Удэ к родителям и девушке Алдарика, а потом и к супруге Максима, поближе к Чите.

В Бурятии я больше узнал о буддизме. Я крещеный, и в детстве, помню, мы с отцом как-то ходили в церковь, но не прижилось, я больше был атеистом. После смерти отца у меня тоже какой-то перелом пошел, и я стал серьезнее относиться к жизни. Я стал в себя больше уходить и читать книги различные. Я не думал, что я действительно приду к вере. Меня отец в детстве учил помогать людям, и я так и старался делать, просто сопереживать, сочувствовать. Но когда я начал с законами кармы знакомиться, когда я познакомился именно с законом причинно-следственной связи, я начал анализировать более глубоко и понимать, что наши поступки действительно имеют огромнейшее значение. И пришло принятие философии буддизма. Это мне очень близко, на самом деле.

Дмитрий Василец. Фото предоставлено Эльвирой Тарасовой

«Либо едешь на войну, либо в тюрьму». Отказ и уголовное дело

Когда закончился отпуск, я приехал в Печенгу[1] и в первый рабочий день пошел к замполиту. И у нас пошло: либо ты едешь, либо ты увольняешься. Я сказал, что больше туда не поеду. По-моему, это было 9 августа. Я написал, что отказываюсь выполнять все приказы касаемо моего участия в СВО по личным причинам. И пошел уже процесс увольнения. Мне пересчитали отпуска за боевые, где-то 140 дней, и я уже думал, что надо искать себе новую работу и как-то перестраивать вообще всю свою жизнь. С 1 сентября я ушел в отпуск.

23 сентября мне позвонили, сказали, что было указание от командующего Северным флотом, что надо вернуть всех, побеседовать с людьми и готовых направить на СВО. И что все увольнения приостанавливаются. 26-го я вернулся в часть.

На следующий день меня уже построили на плацу с другими офицерами, и там уже это пошло — они же Уголовный кодекс поменяли, — что либо едешь [в Украину], либо в тюрьму. Уволить меня не успели, документы были в главном управлении кадров, и вернули их 20 октября без реализации.

Пошел уже процесс запугивания. Я думал, они же эти поправки делали не для того, чтобы посадить как можно больше людей, а именно с целью психологического давления на человека. И это получилось, на самом деле, потому что многие контрактники повозвращались, собрали вещи и поехали туда из-за страха именно привлечения к уголовке. Ну, в тюрьму никто не хочет.

Отказались, наверное, пять-семь офицеров всего. Но у многих офицеров были приказы министра обороны уже об увольнении. Просто у нас как: пока из списков части не исключен — ты военнослужащий. И поэтому они сказали: «Как мы сейчас поедем туда, если мы уволены? Мы сейчас поедем, там погибнем, и про нас просто забудут». Наши начальники им начали говорить, что эти приказы будут отменены.

Но у меня этого приказа не было. Я когда начал идти в отказ, говорил тоже, что меня должны были уволить, и за меня [командиры] вцепились конкретно. 27 сентября я просто одним предложением написал, что отказываюсь участвовать в СВО. То есть я решил: я туда не вернусь. Вначале пытались запугивать, людей из прокуратуры вызывали, говорили, что грозит 15 лет, 10 лет.

Мне помогли книги, самообразование. Я понимаю, что это манипуляция.

Дело завели 19 октября. После того как я написал рапорт, я искал информацию везде в интернете, какие-то подобные, может быть, случаи. Потому что сложно и тяжело одному, когда ты не знаешь, что делать, что говорить, что писать. И по службе у меня все хорошо было. И по службе у меня поощрения. Наверное, за пять лет два выговора всего. И, конечно, я в первый раз в жизни отказался выполнить приказ. Я начал читать Конституцию, понял, что вообще закон обратной силы не имеет, по факту вроде как они не должны были доводить до меня повторно приказ, заменять мне увольнение уголовной статьей и заключением.

До меня, получается, четыре раза приказ доводили. Грубо говоря, август — первый приказ и отказ, потом сентябрь, 27-го числа — это второй приказ. Потом, по-моему, 1 октября. И четвертый был в феврале или в конце января. Как они сказали, «может, ты передумаешь». В последний раз меня снимали на камеру. Это сейчас пошла эта практика — записывать на камеру для военно-следственного отдела. Наверное, чтобы было легче доказывать вину человека, потом эти материалы к расследованию прикрепляют, чтобы на суде можно было смотреть. Также у меня очные ставки были с начальником штаба и с комбригом, где спрашивали: доводился приказ? Да, доводился. Отказался? Да, отказался. Ну, и все, короче.

Когда сначала в прокуратуру меня вызвали, я отказался давать объяснения и воспользовался 51-й статьей Конституции[2].

Потом в военно-следственный отдел вызвали. Там замначальника следственного отдела нормально, по-человечески поговорил. Сказал: «Ну, я все понимаю, у меня тоже там друзья есть и погибшие. И я тебя не осуждаю. Сейчас закон так поменялся. Я не знаю, как дальше пойдет». Дополнил: «Ну, хочешь — давай объяснение, не хочешь — не давай, право твое». Я уже понял, что там нет смысла молчать, и высказал свое мнение.

Все спокойно относились: отказался и отказался. [Командованию] даже проще, когда кодекс поменяли. Представим, что я, допустим, действующий комбат, я говорю военнослужащему: «Едешь?». Он такой: «Не хотелось бы, там у меня нога болит, там ноет». И тут непосредственно говоришь: «Ты либо едешь, либо подаем тебя как отказ, и все, и пошло, уголовка у тебя будет». То есть им тоже легче зафиксировать факт отказа — тут на камеру они засняли или объяснения собрали.

Резко всех начали пугать уголовкой, и многие согласились и поехали. У нас тоже так задумываешься, все органы прокуратуры, ВСО — все должны быть за закон и быть независимыми друг от друга, объективно оценивать ситуацию. А у нас получается, что все вместе — против одного.

Что касается реакции других офицеров, то большая часть штаба не участвовали в боевых действиях, туда не уезжали, и они такие: «Зачем ты себе жизнь

ломаешь?». Многим, я думаю, интересно, что у меня будет дальше, просто они боятся так же поступать.

И даже письма люди писали на почту, когда интервью вышло, и ни одного письма негативного. У нас сейчас на два лагеря люди поделились. Наоборот, надо понять, что мы все одни, мы схожи и ругаться нет смысла — нам нужен мир. На ненависть ненавистью отвечать — неправильно. Как меня тоже замполит спрашивал, давил, что вот, у тебя два друга погибли, а что, у тебя ненависти нет? Ну, тогда была. Сейчас — нет. Когда ты понимаешь вообще всю ситуацию, какая ненависть?

Мы ушли от понимания того, что мы взаимозависимы друг от друга, что надо сопереживать людям. И там, на Украине, так же люди страдают, и они страдают намного больше, чем мы. Я говорю, что у нас пока люди должны, наоборот, больше что-то делать, как-то помогать беженцам с Украины, еще чем-то. Потому что у нас все хорошо, и я уже много думаю о том, как бы оно не перекочевало, если даже по кармическим законам, к нам, в наши дома, к нашим детям. Вот чем религия, буддизм помогает: посмотреть на то, что есть страдания не только у тебя, но и у других людей.

СМИ же тоже подают информацию не просто так. И люди тоже не знают, там же не рассказывается о том, как люди там в подвалах сидят под этими обстрелами, как дедушка бабушку ищет по подъездам, которую осколок убил. И даже ведь не всегда можно знать, чей это был снаряд, а людское горе одинаково. Или как девочка бежала, маленькая, не убежала от осколка, просто лежит, и мать в шоке, в слезах, в горе.

Это я говорю то, что где-то в телеграме увидел, я же тоже интересовался, искал информацию. Бывает, разоблачают поддельные, фейковые дела, сейчас же век интернета, каждый свою политику гнет. Я лично чувствую людей, что человек врет или не врет. То есть когда дедушка в слезах, когда он идет у своего дома, его снимают, и он рассказывает вот это событие, ты понимаешь, что это правда. И, конечно, не бывает такого, что гражданские не страдают или к ним ничего не прилетает, они не умирают.

Опять же, я не согласен с тем, что информационно складывается так, что все мы, русские, убиваем чисто мирных, что мы там насилуем... Лично в моем подразделении, я больше чем уверен, таких людей нет, потому что я ими занимался. Понятно, что и в мирное время обстановка у нас в армии не совсем хорошая, много на службе негатива, а сейчас еще больше такого стало. Как замполит я всегда старался с людьми работать, нравственно их воспитывать. То есть говорить людям о том, что надо друг другу помогать, фильмы хорошие показывал, книги давал читать. И видел, как люди менялись в лучшую сторону, кто-то и пить прекращал, в семье отношения налаживались.

Я и так понимал, что мне армия не дает потенциал раскрыть, там много факторов, которые мне не нравятся, много того, что я не поддерживаю. Я знал, что не буду продлевать контракт, было много планов в жизни.

«Дайте уже срок, увольте меня, и все». Приговор

Я общался с товарищем, который в правоохранительных органах работал, он говорит: «В мирное время тебе бы дали условку, это преступление небольшой тяжести».

Ну, они приняли эти законы за два дня. Многие вообще были растеряны, даже следователи, потому что практики нет, никто не знает, как судить, как делать. Ты ничего не украл, никого не убил — за что тогда три года давать? Это бред. Мы понимаем, что это сейчас уже политический вопрос. Поэтому я не думаю, что условку дадут. Они же за меня зацепились и уже пошли потом всех запугивать: «Вот Василец, сейчас его посадят. Вы подумайте, вы как Василец сейчас хотите?».

Тем, кто в СОЧах[3] был, месяц бегал, пятилетку дают.

Вот идет статья от пяти, и они пять лет дают. Я думаю, конечно, это связано с нежеланием ехать туда, люди, как я думаю, за свою жизнь переживают. В мирное время СОЧинцев, допустим, примерно несколько человек, сейчас десятки.

Согласно Конституции, каждый человек имеет право на альтернативную гражданскую службу, а военные ведь те же люди... И что делать военному, если он многое внутри себя осознал и понял, что не готов стрелять в живого человека? Просто раньше даже не возникало такого вопроса, каждый мог уволиться. Я написал рапорт, что если меня нельзя уволить, то готов служить где угодно, только без оружия.

Я бы действительно мог помогать тем, кто стал инвалидом, или родственникам убитых. ПТСР — очень страшная штука, пока сам не переживешь, не узнаешь. Но мне отказали, потому что я «не доказал свои убеждения». И получается, что Конституция такое право дает, а закона для этого нет. Буду судиться, может, мой пример понудит принять закон и для военных.

Сейчас условный срок — это не освобождение от службы. Я с замполитом общался, и он говорил, что судья какой-то приезжал, говорит: «Ну, допустим, условку дадут, потом опять тебя вызовут, опять тебе приказ, и вот тебе на реальный срок намотают». То есть смысла не вижу, на самом деле, условку получать. Дайте уже срок, увольте меня, и все.

Сначала, когда этот весь процесс пошел, конечно, было чувство страха. Ну какой нормальный человек захочет попасть в заключение? Были сомнения. Сейчас страха как такового нет. Не хотелось бы, конечно. Но меня удивляет, что многие снова поехали туда, даже те, кто участвовал, поехали из-за боязни уголовного преследования. Я просто не знаю. У каждого же есть своя голова на плечах.

Ну, на три года посадят. Ну чего? Некоторые монахи уходят в духовный ретрит, уединение на три года, и ничего с ними страшного не случается. Наоборот, становятся еще более просветленными.

Редактор: Егор Сковорода

1. Поселок в Мурманской области, где служил Василец.

2. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

3. СОЧами в армии называют самовольное оставление части, за него предусмотрено уголовное наказание по статье 337 УК.